А.Л.Никитин

ПОХОД ИГОРЯ: ПОЭЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

В исторической и специально "слововедческой" литературе большое внимание уделено анализу похода Игоря в степь, возможным маршрутам следования, идентификации топонимов и общей хронологии событий. Только за последние десятилетия появившиеся монографии, посвященные этим вопросам, дают различное толкование целям, которые преследовал новгород-северский князь, количеству его войска, согласно традиции, идущей еще от В.Н.Татищева, достигавшего чуть ли не 5-6 тысяч всадников о-двуконь, по разному реконструируют течение первой стычки и последующего трехдневного сражения [1]. Все это опирается или на теоретические соображения, или на буквальное понимание поэтического текста "Слова о полку Игореве" и летописных повествований. Между тем даже сообщения летописей являются не официальными отчетами очевидцев, а всего лишь литературными произведениями о событиях, имевших место часто за несколько лет до их фиксации. Другими словами, исследователи похода Игоря, как правило, не замечают литературный характер используемых источников, а вместе с тем весьма невнимательно относятся к содержащимся в них фактам.

Задача настоящей заметки - привлечь внимание исследователей к возможности нового прочтения уже известного текста и показать отражение исторической реальности в ее литературно-поэтическом осмысле-

---

[1] Кудряшов К.В. Половецкая степь. - М., 1948; Федоров В.Г. Кто был автором "Слова о полку Игореве" и где расположена река Каяла. - М., 1956; Рыбаков Б.А. "Слово о полку Игореве" и его современники. - М., 1971; Гетманец М.Ф. Тайна реки Каялы. - Харьков, 1982 и др.

нии древнерусской поэмой и летописным повествованием. При этом я вынужден ограничиться констатацией выводов предшествующего исторического и текстологического анализа текстов, оставляя подробное изложение его на будущее.

Для реконструкции исторической реальности весны и лета 1185 г. мы располагаем рядом источников неодинаковой степени подробности и достоверности, которые принадлежат разным литературным жанрам, но тесно между собою связаны. Это повествование в "Ипатьевской летописи", основной источник наших сведений, рассказ "Лаврентьевской летописи", отголоски его в поздних новгородских летописях, в "Никоновском летописном своде" XVI в., и само "Слово о полку Игореве". Как можно полагать, наряду с поэмой существовала самостоятельная повесть о походе и злоключениях Игоря, оказавшая влияние на известный нам текст "Слова" и дошедшая в значительно сокращенном виде в составе "Ипатьевской летописи" [2]. В свою очередь, этот текст испытал на себе прямое воздействие "Слова" (ожидание Всеволода из Курска, хотя в начале указан Трубчевск, указание на пятницу, как на день первой стычки с половцами, упоминание Каялы, тогда как битва произошла на берегу реки Сюурлий, пресловутого "моря" и так далее), и воздействовал на рассказ "Лаврентьевской летописи", которая заимствовала из протографа "Ипатьевской летописи" эпизод с осадой Переяславля и ранением Владимира Глебовича. Впрочем, последнее могло быть взято непосредственно из недошедшей до нас "Повести", поскольку в "Ипатьевской летописи", в отличие от "Лаврентьевской летописи", раны переяславльского князя определены как "смертные" [3], что позволяет

---

[2] Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). - СПб., 1908. Т.2. Стб.637-651.

[3] Там же. Стб.648.

говорить о редакции текста после 18 апреля 1187 г.

Рассказ "Лаврентьевской летописи" носит характер литературного памфлета, конец которого сохранился только в ряде списков новгородских летописей. Согласно первоначального его варианта, князья, три (!) дня пировавшие на месте первой стычки с половцами и похвалявшиеся пойти за ними "в луку моря, где же не ходили ни деды наши" [4], действительно отправились воевать половцев за Дон "и тамо побиша их без вести" [5]. В настоящем виде этот памфлет, по-видимому под воздействием "Слова", распространен кратким изложением второй битвы и дополнен явно чужеродным ему рассказом об осаде Переяславля.

Этот краткий обзор позволяет ощутить диапазон задач, которые решали разные авторы, а вместе с тем и спектр использованных литературно-поэтических средств и приемов. Поэтика "Слова" от начала и до конца проникнута героизацией образа Игоря, его сподвижников и противников, окружающей природы, персонифицированных стихий и образов славянского язычества, выступающих действующими лицами в поэме. Смешение персонажей мира реального и трансцендентного между тем не помешало поэту изложить фактическую сторону событий, как того требовал литературный этикет эпохи. Поэтому исследователь может не сомневаться в указании дня, когда произошла первая сшибка с половцами, в захвате половецкого обоза, ранах переяславльского князя, в реальности перечислений признаков могущества адресатов воззвания, но должен отнести на счет условного языка поэзии поведение зверей и птиц, вмешательство стихий, эпическую "трехдневность" боя и другие аксессуары средневековой поэтики.

---

4 ПСРЛ. - Л., 1926-1927. Т.I. Стб.397.

5 ПСРЛ. - Пг., 1917. Т.4, ч.2: Новгородская пятая летопись. - С.174.

Эпическая аттрибутивность особенно явно проступает в рассказе "Лаврентьевской летописи". К числу литературных приемов следует отнести причину похода ("мы есмы ци не князи же? такы же собе хвалы добудем"), трехдневность пира на месте первой победы, хвастливые речи, напоминающие речи Пикрошоля у Ф.Рабле, трехдневность осады князей половецкими лучниками, очередную трехдневность последующей битвы... Тем не менее здесь присутствует и документальная основа. Она просматривается в изложении первого боя, которое в основных чертах совпадает с описанием в "Ипатьевской летописи", в предложении половцев разменять пленных, потерянное в летописном варианте "Повести", где осталось только имя "гостя" - Беловолод Просович [6], и в указании, что Игорь бежал "по малых днех" после возвращения половцев из набега на Переяславль.

Наиболее цельным и исторически достоверным, несмотря на явные утраты и сокращения, представляется текст в "Ипатьевской летописи", - произведение человека, благожелательно настроенного к Игорю, но последовательно проводившего определенную тенденцию. Повествование должно было убедить читателя в заботе Провидения о раскаявшемся грешнике, каким представлен Игорь, раскаявшийся в усобице с переяславльским князем. Владимир Глебович в этой повести представлен дважды потерпевшем: сначала от самого Игоря, мстившего за набег того в 1183 г., и взявшего "на щит" город Глебов [7], а затем от Кончака, свата Игоря, то есть в конечном счете, опять же от Игоря, сводившего счеты с недругом с помощью половцев. Поручившись Гзаку за новгород-северского князя после сражения, устроив ему почетную жизнь в своей ставке, отказавшись идти с Гзаком разорять города и села Иго-

[6] ПСРЛ. Т.2. Стб.645.

[7] Там же. Стб.653-644.

ря и не сумев отговорить того, Кончак бросился со своими половцами на ничего не подозревавших жителей Переяславля и Римова...

Последнее чрезвычайно важно. Другие источники рисуют Игоря борцом с половецкой опасностью, пусть даже иногда в шаржированном виде. Здесь перед нами не противоположная тенденция, а достаточно объективное изложение фактов. Однако стремление одного из редакторов летописного свода "замазать" конфликт между Игорем и переяславльским князем так же заметно, как его попытка не акцентировать явную прополовецкую ориентацию Игоря, с очевидностью вытекающую из описанных событий. Действительно, при всей сдержанности повествования, текст не оставляет сомнений в явном расположении Кончака к Игорю, причины которого следует искать в более ранних событиях.

Внимательное изучение летописных статей за предшествующие годы убеждает, что редакторы, включавшие в летописный свод 1198 г. известия о событиях 1180-1185 гг., в одних случаях резко обрывали текст, а в других - разрывали его вставками о тех же событиях из других источников [8]. Несмотря на такую мозаичность и дублирование, в этих купюрах можно проследить ту же самую тенденцию, в силу которой убирались сведения о конфликте между Игорем и Владимиром Глебовичем, а в равной степени - и свидетельства о растущей дружбе между половецким ханом и Игорем.

Таким образом, оба эти сюжета оказываются взаимосвязаны и обусловлены. Ссора с переяславльским князем в феврале 1183 г. была вызвана отказом Игоря, возглавившего объединенные русские силы, собранные по случаю подхода Кончака к Чернигову, пустить Владимира Глебовича "ездити напереди полком" [9]. После отказа представитель Рюри-

---

[8] Там же. Стб.628-637.

[9] Там же. Стб.628.

ка Ростиславича, каким был тогда переяславльский князь, бросился со своим войском разорять города и села в Северской земле. Об ответных действиях Игоря нам известно только из его покаяния, сохраненного "Повестью". Все остальное из летописей исчезло. Между тем можно полагать, что отказ объяснялся не упрямством или тщеславием Игоря, а нежеланием ставить под удар Кончака, расположившегося мирно у Хорола [10].

Дружба Игоря с Кончаком началась, как можно думать, много раньше 1180 г., когда они вместе охраняли Чернигов [11]. В следующем 1181 г. они также вместе выступали под Друтеском, Вышгородом и Долобском, откуда бежали с поля боя в одной лодье к Чернигову [12]. Дальнейший текст "Ипатьевской летописи" в достаточной степени запутан. Три последовательных похода на половцев в феврале 1183, 1184 и 1185 гг. являют собой повествования трех различных источников о событиях февраля-марта 1183 г. на Хороле, откуда берет начало конфликт Игоря с переяславльским князем и явное стремление Игоря обезопасить Кончака. Оба эти обстоятельства в последующие годы вынуждают Игоря и его братьев отказываться от участия в совместных выступлениях русских князей против половцев, поскольку главенствующую роль в походах начинает играть их враг, Владимир Глебович [13].

Такой была расстановка сил весной 1185 г., когда Игорь с братом, племянником и сыном отправились в степь.

Отправной момент эпопеи новгород-северского князя может служить

---

[10] Там же. Стб.635.

[11] Там же. Стб.618.

[12] Там же. Стб.623.

[13] Там же. Стб.631, 635.

примером того, как поэтическое освещение факта, описанного достаточно точно, заступает в сознании исследователей место исторической реальности. Вчитываясь в текст "Слова" можно понять, что его автор прямо усвояет Игорю желание сразиться с половцами ("Хощу бо, рече,.. а любо испити шеломомь Дону!"). Между тем автор текста в "Ипатьевской летописи", проводивший идею безусловной героизации Игоря, ни словом не обмолвился о целях похода. Впрочем, ни "походом", ни "полком" он это мероприятие не называет. Уже одно такое нарушение "литературного этикета" заставляет усомниться в целях, которые обычно приписывают Игорю. По словам автора повести, Игорь просто "поехал" из Новгорода, "взяв с собою" остальных своих спутников, подчеркнув при этом неторопливость поездки, что тоже не вяжется с ожиданием предстоящих военных действий.

Обычно подтверждение боевых намерений Игоря усматривают в его беседе со "сторожами", сообщающими, что они "видехомся с ратными, ратницы наши со доспехом ездят; да или поедете борзо, или возворотимся домовь, яко не наше есть веремя". По мнению исследователей попытка добыть "языка" свидетельствует об определенных стратегических планах Игоря. Однако стоит напомнить, что в те времена без разведки и без конвоя не рисковали ездить из одного замка в другой, тем более в немирную половецкую степь. Разведчики не могли сказать, что "с доспехом", то есть вооруженными, ездят половцы, - те, как известно, всегда были вооружены. Речь шла о сторожевых русских разъездах ("наши ратницы") и содержала сообщение о тревожной обстановке в пограничье. Предшествующий год был отмечен крупной победой над половцами [14]. Судя по реплике "Лаврентьевской летописи", большая часть

---

14 Там же. Стб.632.

знатных пленников еще ждала на Руси выкупа [15], и было ясно, что половцы так этого дела не оставят: им нужны были знатные пленники, чтобы обменять их на своих "отцов и братьев". Отмечая "немирье" разведка предлагала вернуться домой или поспешить, на что Игорь резонно отвечал, что повернуть домой можно только в случае боя.

Разговор этот непонятен, если исходить из традиционного взгляда, что Игорь собирался в набег. Обойтись без боя в набеге невозможно, тем не менее Игорь недвусмысленно заметил, что если дело дойдет до боя, можно будет повернуть домой. Другими словами, бой не входил в его планы. Возможна ли такая ситуация, чтобы добыча в набеге была получена без боя? На первый взгляд, невозможна, поскольку противоречит логике действия. Однако дальнейшие события подтвержденные рассказом "Лаврентьевской летописи" и текстом "Слова", говорят о ~~противоположном.~~ другом.

На следующий день в полдень Игорь подошел к реке Сюурлий. На противоположном берегу его ожидали построившиеся в боевые порядки половцы. За ними находились вежи с женщинами и детьми. Не успели русские полки (до этого момента повесть говорила о "дружине") подойти к воде, как из рядов половцев выступили лучники, пустили по стреле и ударились в бегство. Следом за ними, не думая ни о каком бое, бросились бежать и те половцы, что стояли "далече от реки", бросив свои вежи и семьи на милость победителей [16]. Именно после этого Игорево войско "рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты..."

Итак, половцы отдали без боя свои вежи, лишь для вида пустив в сторону русских по стреле. Произошел не бой, а инсценировка боя, на

---

[15] ПСРЛ. Т.I, Стб.399.

[16] ПСРЛ. Т.2. Стб.639-640.

что, как видно и рассчитывал Игорь. Почему же на следующий день "изумешася князи руские", увидев себя окруженными превосходящими половецкими силами? К сражению они были не готовы. Чего они ожидали? И хотя в перечне подошедших половецких родов в повести первым назван Кончак, почти наверняка можно утверждать, что он занял место Гзака, в данном случае не названного. Гзак в русской истории вообще загадочная личность, пришедший неизвестно откуда и ушедший неизвестно куда. По-видимому, он возглавлял какую-то "дикую" орду, враждебную и Игорю и, отчасти, Кончаку. Сам Кончак подоспел только к концу сражения, которое вряд ли длилось долго, поскольку даже крупнейшие битвы той эпохи заканчивались в течение одного светового дня. И здесь опять возникает неясность. Обладая взятым накануне полоном, русские могли им окупить свою свободу, это было обычным делом. Но о полоне, о вежах, о "красных девках" в источниках нет больше никакого упоминания. Известно лишь, что подоспев к концу битвы Кончак, как истинный друг и рыцарь, первым делом взял на поруки Игоря, устроил его у себя и, не успев отговорить разъяренного Гзака от похода в Посемье, бросился мстить за Игоря Владимиру Глебовичу.

Получается, что загадок много больше, чем принято считать. На первый взгляд, они неразрешимы. И все же они поддаются достаточно логическому прочтению. Стоит лишь вспомнить взаимосвязанные факты, о которых теперь можно говорить с уверенностью: крепнущую на протяжении 5-6 лет дружбу Игоря с Кончаком, положение Игоря в "плену", отказ Кончака идти на города Посемья, скорое и успешное бегство Игоря после возвращения Кончака из-под Переяславля, а главное - тогда же происшедшая женитьба Владимира Игоревича на Кончаковне, с которой он вернулся на Русь, как только подрос их первенец. А это случилось очень быстро! [17]

---

[17] Там же. Стб.658-659.

О том, что брак детей Игоря и Кончака был ими задуман задолго до мая 1185 г., писал еще А.И.Лященко [18]. Предполагали это и другие исследователи. Подтверждение такой мысли можно найти во всех трех источниках, сообщающих о странном "бое", что в исторической реальности, как можно думать, соответствует обыкновенной инсценировке умывания невесты. В сущности, автор "Слова" прямо писал об этом, поминая "красную девку половецкую" с ее подругами и служанками, составлявшими свадебный кортеж. При всей фантастичности образов поэтический текст в передаче "опорных" фактов опять оказывается более точен, чем историко-литературные повествования! Отсюда и своеобразная "опись приданого" в "Слове", и веселое пиршество, попавшее в рассказ "Лаврентьевской летописи" в совершенно искаженном виде... Такое прочтение прозаического текста объясняет и описание поездки, предназначенное подчеркнуть мирный характер предприятия, отношение Игоря к солнечному затмению и разговор со "сторожами". В самом деле, вернуться домой, не попытавшись "выкрасть" невесту, которая уже ждала жениха в условленном месте, всего за один дневной переход, было бы "соромом пуще смерти"!

В этом случае становится понятно, почему вместе с Игорем отправился из Чернигова Ольстин Олексич, на которого уже не первый раз возлагались дипломатические миссии в переговорах "ольговичей" с половцами [19]. Понятно и изумление русских князей, когда вместо ожидаемого Кончака, который, согласно ритуалу степной свадьбы, должен был появиться на следующий день, проснувшись они увидели, что окружены враждебными половцами, от которых пришлось оборонять не только себя,

---

[18] Лященко А.И. Этюды о "Слове о полку Игореве" // ИОРЯС. - Л., 1926. Т.31. - С.140.

[19] ПСРЛ. Т.2. Стб.635.

но ~~и себя, но~~ и свой драгоценный "полон"... Кстати сказать, очень вероятно, что возникший в описании боя с Гзаком сюжет о половецких лучниках "три дня" не подпускавших к воде воинов Игоря, возник как своеобразное отражение описания первой "сшибки": "не успели подойти к воде", "выступили лучники" и т.д. Иными словами, здесь мы находим уже собственно литературное развитие сюжета по законам калейдоскопического умножения единичного факта...

Мне уже приходилось писать о причинах, побудивших неведомого автора "Слова" взяться за перо с призывом к русским князьям прекратить усобицы и "закрыть Полю ворота", то есть отказаться от приглашения к участию в усобицах своих половецких друзей и родственников. Иными словами - "не выносить сор из избы", не приглашать чужаков разбирать семейные конфликты [20]. Пример Кончака, мстившего переяславльскому князю за Игореву обиду, оказывался достаточно красноречив и страшен. Но не одни только высокие идеи единения русских князей перед лицом степной опасности побудили патриота XII в. к созданию бессмертного произведения. Его пронизывали "вечные темы" мира, любви и дружбы. Современные ему читатели видели в "Слове" и в недошедшей до нас повести увлекательный и, надо сказать, традиционный для средневековья литературный сюжет [21], неожиданно воспроизведенный дейст-

---

[20] Никитин А.Л. К вопросу стратификации "Слова о полку Игореве" // Герменевтика древнерусской литературы: XI-XV века.

[21] В этом направлении много сделано А.Н.Робинсоном, в ряде фундаментальных исследований показавшим место и значение древнерусской литературы в системе средневековых литератур Востока и Запада (напр. последняя по времени работа: Робинсон А.Н. Литература древней Руси в литературном процессе Средневековья XI-XIII вв. - М., 1980).

вительностью: борьбу князей, дружбу христианского рыцаря с "язычником", желание породниться домами, зловещие знамения на пути свадебного поезда, пир, едва не ставший смертным, неожиданное нападение врагов, плен, месть "язычника" за своего христианского друга, лишенного возможности исполнить свой рыцарский долг [22], спасение из плена и, наконец, возвращение молодых домой уже с ребенком. Сюжет, совершенно невозможный на Руси сто лет спустя, а в то время не только широко распространенный в куртуазной литературе, но даже встречавшийся в жизни.

---

[22] Можно думать, что поход Игоря преследовал две цели: женитьбу сына (ср.: Манн Р. Свадебные мотивы в "Слове о полку Игореве" // ТОДРЛ. - Л., 1985. Т.38. - С.514-519), который должен был вернуться с молодой женой в Путивль или остаться в кочевьях Кончака, и дальнейший совместный набег с Кончаком на Переяславль, для чего и требовалось "черниговская помочь". Только из степи Игорь мог внезапно нанести удар Владимиру Глебовичу. Замысел его был достаточно прозрачен для Святослава, пытавшегося примирить "братию", почему и "нелюбо бысть ему", когда он узнал об уходе Игоря, представляя,во что может вылиться разгорающаяся вражда между "ольговичами", к которым сам принадлежал, и "мономашичами"...